

УДК 101.1**Современный философский анализ теории демократии П.И. Новгородцева****Мясников Андрей Геннадьевич**

Доктор философских наук, профессор,
Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в Пензе),
440011, Российская Федерация, Пенза, ул. Вяземского, 25-б;
e-mail: myasnikov-g@mail.ru

Ульянов Виктор Петрович

Директор,
Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в Пензе),
440011, Российская Федерация, Пенза, ул. Вяземского, 25-б;
e-mail: vulanov@muiv.ru

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые религиозно-правовые идеи русского философа П.И. Новгородцева относительно русской революции и возможности демократии. Дается философский, рационально-критический анализ трактовки демократии как произвольного выбора большинства членов общества. Подвергается критике основной тезис русского философа о том, что народ должен «созреть» для реализации демократии. Показаны основные стереотипные установки, характерные для русского религиозно-философского мировоззрения. Прежде всего, речь идет о характерном стереотипе, согласно которому объединяющим началом российского общества может быть только религиозная (православная) нравственность, укорененная в народной вере. В статье предлагается современное объединяющее начало сложного российского социума – это институт частной собственности, который является надежным основанием для реальной демократии. При этом требуется изменить негативное отношение к этому институту со стороны многих представителей политического традиционализма и религиозного консерватизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Мясников А.Г., Ульянов В.П. Современный философский анализ теории демократии П.И. Новгородцева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 79-85.

Ключевые слова

Демократия, революция, Новгородцев, свобода, частная собственность.

Введение

Тема демократии приобретает особое значение в переходные, революционные периоды общественной жизни, так как в этих сложных условиях реальная жизнь обнаруживает много противоречий, конфликтов, разрушительных качеств и процессов. Так, демократические процессы в России начала и конца XX века показали, что стихийное волеизъявление народа может оказаться очень агрессивным, может сопровождаться и массовым террором, и разрушением прежней государственности, и бессмысленными жертвами. Ярким примером противоречивого отношения к демократии является позднее творчество русского философа, правоведа П.И. Новгородцева.

Опасности революции и проблема их осмысления

В 1923 году Павел Иванович Новгородцев опубликовал статью под названием «Демократия на распутьи», в которой попытался доказать сложность и противоречивость реализации демократии в России начала XX века. Он дает идеально-нормативное описание демократии как самоуправления народа, которое «открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе» [Новгородцев, 1991, 548]. А также отмечает, что для достижения демократического состояния необходима «зрелость народа», которая должна выражаться в способности управлять самим собой, в сознании своих прав и в уважении прав других, в понимании своих обязанностей и в способности к самоограничению.

Действительно, достичь такой зрелости не просто, а часто она сопряжена с большими трудностями и опасностями. Но, как писал еще И. Кант после событий Великой Французской революции, если народу не давать свободы, то он никогда не научится ею пользоваться [Кант, 2002, 202-204]. И если правители откладывают освобождение своего народа на лучшие времена, то они лишь укрепляют свой деспотизм и усиливают чувство мщения [Мясников, 2016, 93]. Новгородцев понимает, что реализация свободы-произвола каждого человека может привести общество к анархии, в хаос, поэтому необходимо, чтобы «эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу». И далее русский философ поясняет: «Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приводит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни» [Новгородцев, 1991, 548].

Итак, ключевой вопрос – это вопрос о «высшем обязывающем начале», которое должно объединять всех граждан. Что же может быть таким началом? Русский философ-правовед был уверен, что *таким объединяющим началом в России может быть только религиозная нравственность, которая коренится в традициях народной (православной) веры*. С этой мыслью он ушел из жизни в 1924 году, находясь в вынужденной эмиграции.

Оценивая этот теоретический вывод в 2018 году, мы видим явное противоречие, непоследовательность и эмоциональную ограниченность в рассуждениях П.И. Новгородцева.

Во-первых, он испугался восставшего русского народа, его дикой, необузданной свободы, которая вырвалась в ходе революции, и этот негативный опыт свободы сбил его с пути рационального понимания исторического процесса. Под страхом смертной казни он был вынужден эмигрировать из Советской России.

Во-вторых, Новгородцев не достаточно конкретно представлял себе возможную свободную игру человеческих сил, интересов и убеждений в демократическом обществе, когда призывал к объединяющей религиозной нравственности. Такой единой религиозной нравственности просто

не существует, и никогда не будет, так как в свободном обществе религиозные убеждения очень разные, и они будут разделять людей. Пожалуй, уже находясь вне России, он интуитивно возвращается к идеалу крестьянской общинной веры, но это будет иллюзорное представление, которое до сих пор вселяет надежды в некоторых мечтательных славянофилов.

В-третьих, провозглашенная Новгородцевым идея «зрелости народа» не получает практического пояснения, не разъясняются конкретные механизмы формирования этой зрелости. А без этого разъяснения идея остается пустой формой, которой можно легко манипулировать и наполнять произвольным содержанием. Так, например, искомая Новгородцевым религиозная нравственность бывает очень агрессивной и нетерпимой к правам инакомыслящих и инаковерующих, а зачастую и безответственной.

Вместе с тем нужно признать абсолютную правоту П.И. Новгородцева в том, что демократия всегда будет состоянием «на распутье», постоянным выбором будущего. Нередко это мучительный, тяжелый выбор, который требует от человека больших интеллектуальных и морально-волевых усилий. Учиться выбирать нужно с самого детства и до конца жизни – и в этом суть демократии.

В демократическом обществе человеку приходится постоянно преодолевать свою «лень и трусость», чтобы стать полноценным, «совершеннолетним» гражданином [Мясников, 2017, 179-180]. А это значит, что каждый ежедневно оказывается и «витязем на распутье», принимая свои жизненные решения, и вместе с тем, членом шумного базара, где многие предлагают «свое» – особенное, настаивают на своей правоте, хотят подороже продать свой товар или занять более выгодное место.

Делая свой выбор, человек утверждает свое Я, свой интерес и свою свободу, а вступая в общение с другими, должен убеждать других в разумности и правомерности своей позиции, и оценивать интересы и позиции сограждан с общеразумной точки зрения, которая должна объединять многообразные частные интересы, и прежде всего интересы материально-экономические. Именно они составляют фундамент современной общественной жизни, а не субъективные нравственно-религиозные искания.

В поисках объединяющего начала

Вглядываясь в 20 век и вдумываясь в события 21 века, мы можем уже иначе ответить на поставленный вопрос о «высшем обязывающем начале». Этот научно-философский вопрос ведет нас к более фундаментальному понятию человеческой природы, и к следующему вопросу: соответствует ли идеально-нормативное понятие демократического общества самой человеческой природе? Или идея демократии является чисто утопической, и даже вредной для многих обществ, например, для российского?

Начнем с того, что П.И. Новгородцев определяет демократию как «систему свободы», а большинство современных россиян считают себя несвободными людьми [Мясников, 2016, 145-146]. Получается, что теория опровергается практикой, и отсюда можно сделать легкомысленный вывод, что *демократия не для россиян*.

В своей поздней статье «Восстановление святынь» Новгородцев почти приходит к этому выводу, тем самым отвергая все, что писал ранее, и о чем мечтал до революции 1917 года. Суровая реальность перечеркнула его идеальную теорию? В итоге, Новгородцев отказался и от автономной морали ради «теономной», и от демократической политики ради «власти святынь». По его словам, «путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в

человеческой душе вечных связей и вековых святынь» [Новгородцев, 1991, 579]. Такой поворот в сознании русского философа-правоведа очень показателен тем, что реальная жизнь оказалась не совместимой с его идеальной теорией демократического общества, и мыслитель решил отказаться от дальнейшего рационального осмысления своей теории, и обратился к религиозно-мистическим ожиданиям некоего будущего «благодатного просвещения душ», которое должно чудесным образом произойти с помощью многовековой народной религиозности [Жуков, 2013, 280-285]. Такая вера в чудесное преображение народа является фантастической идеей, которая явно противоречит научно-философскому пониманию человеческой природы.

Для современной науки и философии человеческая природа предстает как необходимое единство животных и разумных сил и способностей. При этом очевидна и научно обоснована первичность животных (биологических) потребностей человека, их базовый, естественный характер [Рубинштейн, 2008, 524-540]. Из чего следует, что именно частный, эгоистический интерес человека будет главным стимулом к участию в общественной жизни. Если естественный частный интерес найдет свое выражение в демократическом обществе, тогда человеческая природа будет согласована с научной теорией демократии [Мясников, 2017, 180-182].

У позднего П.И. Новгородцева мы обнаруживаем принципиальное недоверие частному, эгоистическому интересу людей (прежде всего, русского народа), и явное предпочтение народной, православной религиозности, которая, по мнению многих ученых, вовсе не демократична, а напротив, авторитарна и репрессивна [Яковенко, Музыкантский, 2012, 224-240]. Находясь на чужбине, он приходит к выводу, что для сохранения в России самодержавной империи нужна именно народная православная религиозность и церковность. Но нужна ли была эта церковность россиянам? Отечественная история 20 века показывает, что русские крестьяне хотели большей свободы, большей справедливости, и уже не хотели деспотической власти господ и священников, поэтому и массовый отказ от православной религиозности был не случаен, так как люди хотели другой веры, более рациональной и справедливой. И действительно, марксизм-ленинизм оказался новым типом религиозности, который был близок к научному мировоззрению, особенно в познании природы («диалектический материализм»), а также был близок к протестантской этике труда, которая побуждает человека раскрывать все свои способности и таланты в этой земной жизни с помощью честного и добросовестного труда. Но и этот тип светской религиозности исчерпал себя к концу 20 века, так как содержал псевдонаучные предпосылки о равенстве всех людей, о принудительном подчинении частного общему, о порочности частной собственности и денег, об отсутствии общечеловеческой морали и др.

70-летний опыт «советской демократии» позволяет нам ясно увидеть, что каждый человек хочет жить по-своему, и даже в условиях казарменного социализма не удалось искоренить это естественное желание, потому что оно коренится в самой человеческой природе, в ее биологическом стремлении к разнообразию и в разумном стремлении к самоутверждению своей воли.

Можно рассмотреть другое объединяющее начало, соответствующее природе человека – это *институт частной собственности*. Под частной собственностью мы будем понимать все, что законно принадлежит конкретному лицу, начиная с его владения, пользования своими индивидуальными способностями (физическими и интеллектуальными), и заканчивая внешними материальными ценностями, благами, которыми он может свободно распоряжаться. Именно частные собственники хотят защищать свою свободу, свое право жить по своему, а

потому заинтересованы в общем правовом порядке. Именно частная собственность дает человеку экономическую независимость от государства, от других лиц, и позволяет выйти на новые степени свободы [Мясников, 2017, 177-179].

Институт частной собственности долго не складывался в России, и в настоящее время еще формируется, также, как и во многих других развивающихся странах. Когда этот институт станет всеобщим, то демократия выйдет на прямую дорогу. Пока же институты частной собственности формируются и распределена она очень неравномерно, то неизбежно будут возникать конфликты, будет идти классовая борьба за более справедливое распределение материальных благ и за большую степень личной свободы, и без этой социальной напряженности невозможно развитие и совершенствование общественной жизни.

При этом нужно учитывать мнение позднего П.И. Новгородцева, а также многих социалистов и коммунитаристов о том, что в частной собственности коренится человеческий эгоизм, который якобы будет разрушать социальную и государственную общность. Такое мнение особенно усиливается в кризисные переходные эпохи, особенно в период «дикого капитализма», когда идет во многом стихийное формирование класса собственников, и резко возрастает социально-экономическое неравенство в обществе. Но в том-то и диалектика общественных отношений, что ради сохранения своей частной собственности и ради общественного порядка, сами собственники будут договариваться между собой, и с наемными работниками о взаимовыгодных условиях сотрудничества, и эти взаимные договоренности будут объединять людей. Это будет относиться и к государству в целом, которое предназначено защищать, прежде всего, интересы всех собственников и гарантировать сохранность собственности, а значит, и обеспечивать возможности реализации свободы всех реальных и потенциальных собственников.

Заключение

Возвращаясь к определению демократии П. И. Новгородцева, мы можем дополнить его следующим образом: *демократия – это система свободы конкретных лиц, т.е. частных собственников, заинтересованных в поддержании правопорядка*. Эта система находится в постоянном развитии, т.е. увеличивает степени человеческой свободы (лишь в критические моменты ограничивает эту степень), а потому реализация свободы каждого гражданина или социальной группы будет тем самым «распутьем», которое усложняет общественную жизнь: делает ее разнообразной, интересной, динамичной и вместе с тем противоречивой и конфликтной [Аузан, 2010, 11-35]. Но когда каждый свободный человек знает, что он сам выбирает то или иное действие, т.е. свое личное будущее и будущее своего общества, то возрастает и степень ответственности за собственное решение.

Новгородцева и некоторых современных традиционалистов пугают возможные злоупотребления человека личной свободой, т.е. *произвол*. Эти злоупотребления часто происходят из-за того, что у человека нет частной собственности («нет ничего за душой»), нет образования, ему нечего терять, (не очень серьезно думает о будущем), а, следовательно, у такого человека мало ответственности. Поэтому личная свобода такого «пустого» человека легко становится беззаконием, приводит к деспотизму, и насилию над другими.

Исторический опыт XX века дает нам важный мировоззренческий урок: если «свобода» будет мыслиться как беззаконный личный произвол, то она ведет к разрушению общества, и это будет вовсе не свобода, а именно *произвол*. Отсюда и подлинная демократия – это свобода для

всех граждан по общим законам. Такое понимание демократии очень медленно и противоречиво утверждается в российском социуме.

Библиография

1. Аузан А.А. Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ; Полит.ру, 2010. 192 с.
2. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 270-296.
3. Кант И. Спор факультетов. Калининград. 2002. 286 с.
4. Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Об общественном идеале. М., 1991. С. 559-580.
5. Новгородцев П.И. Демократия на распутьи // Об общественном идеале. М., 1991. С. 540-558.
6. Мясников А.Г. Нужно ли отказаться от гражданского общества? // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 141-148.
7. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. 2017. № 5. С. 174-186.
8. Мясников А.Г. Философия свободы А. Радищева: современный комментарий к оде «Вольность» // CREDO new. 2016. № 2. С. 91-95.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 713 с.
10. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2012. 320 с.

Modern philosophical analysis of the P.I. Novgorodtsev's theory of democracy

Andrei G. Myasnikov

Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow University named after S.Yu. Witte (branch in Penza),
440011, 25-b, Vyazemskogo st., Penza, Russian Federation;
e-mail: myasnikov-g@mail.ru

Viktor P. Ul'yanov

Director,
Moscow University named after S.Yu. Witte (branch in Penza),
440011, 25-b, Vyazemskogo st., Penza, Russian Federation;
e-mail: vulanov@muiv.ru

Abstract

The article deals with the key religious and legal ideas of the Russian philosopher P.I. Novgorodtsev of rather Russian revolution and a possibility of democracy. The article presents the philosophical, rational and critical analysis of interpretation of democracy as any choice of most of members of society. There is offered criticism of the main thesis of the Russian philosopher that the people have to "ripen" for realization of democracy. Also the article shows the main stereotypic installations characteristic of the Russian religious and philosophical outlook. First of all, it is about a characteristic stereotype according to which only the religious (orthodox) morality implanted in national belief can be the uniting beginning of the Russian society. In article the modern uniting beginning of complex Russian society is offered; it is a private property institution which is reliable reason for real democracy. At the same time it is required to change negative attitude to this institute

from many representatives of political traditionalism and religious conservatism. The historical experience of the twentieth century gives us an important ideological lesson: if “freedom” is thought of as lawless personal arbitrariness, then it leads to the destruction of society, and this will not be freedom at all, but arbitrariness. Hence, genuine democracy is freedom for all citizens according to general laws. This understanding of democracy is very slowly and controversially affirmed in Russian society.

For citation

Myasnikov A.G., Ul'yanov V.P. (2018) *Sovremennyi filosofskii analiz teorii demokratii P.I. Novgorodtseva* [Modern philosophical analysis of the P.I. Novgorodtsev's theory of democracy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 79-85.

Keywords

Democracy, revolution, Novgorodtsev, freedom, private property.

References

1. Auzan A.A. (2010) *Natsional'nye tsennosti i modernizatsiya* [National values and modernization]. Moscow: OGI; Polit.ru Publ.
2. Kant I. (2002) *Spor fakul'tetov* [Dispute of faculties]. Kaliningrad.
3. Novgorodtsev P.I. (1991) *Demokratiya na rasput'i* [Democracy looking for its way]. In: *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow
4. Novgorodtsev P.I. (1991) *Vosstanovlenie svyatykh* [Restoration of shrines]. In: *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow
5. Myasnikov A.G. (2016) *Nuzhno li otkazat'sya ot grazhdanskogo obshchestva?* [Do we need to abandon civil society?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 3, pp. 141-148.
6. Myasnikov A.G. (2017) *Pravo na lozh' kak lovushka dlya svobody* [The right to lie as a trap for freedom]. *Polis*, 5, pp. 174-186.
7. Myasnikov A.G. (2016) *Filosofiya svobody A. Radishcheva: sovremennyi kommentarii k ode «Vol'nost'»* [Philosophy of Freedom by A. Radishchev: Modern Commentary on the Ode “Liberty”]. *CREDO new*, 2, pp. 91-95.
8. Rubinshtein S.L. (2008) *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
9. Yakovenko I.G., Muzykantskii A.I. (2012) *Manikheistvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoi tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: the cultural codes of Russian civilization]. Moscow: Russkii put' Publ.
10. Zhukov V.N. (2013) *Russkaya filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism]. Moscow: Yurlitinform Publ.